

Томский государственный архитектурно-строительный университет
Томский государственный университет
Томский областной художественный музей
Томское отделение Союза архитекторов Российской Федерации
Томск отделение Союза дизайнеров Российской Федерации

СИБИРСКОЕ КУПЕЧЕСТВО: ИСТОКИ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, НАСЛЕДИЕ

*Материалы
Второй Всероссийской научной конференции
15–17 апреля 2016 г.
г. Томск*

Томск
Издательство ТГАСУ
2017

**Концепт «сибирская ярмарка» в русском общественном дискурсе
об освоении и развитии Сибири 1850–1890-х гг.
(на материале научно-публицистической
и художественной литературы)***

Одной из активно обсуждаемых в современной науке, отечественной и зарубежной, является междисциплинарная проблема заселения и развития Сибири. Ее различные аспекты, от социально-исторических и экономических до культурологических, поднимаются в большом количестве статей и монографий, из которого назвать даже основные здесь не представляется возможным. Всё более заметное место в данной парадигме занимают филологические исследования, также находящиеся на грани с научными подходами к обозначенной проблеме, принятыми в других науках, прежде всего, в гуманитаристике. В частности, в предлагаемой статье рассматривается концепт «сибирская ярмарка» в русском общественном дискурсе об освоении Сибири 1850–1890-х гг. на материале разножанровых и разностилевых публикаций, созданных сибирскими авторами и авторами центральной России. Концепт «сибирская ярмарка» входит в ряд ключевых репрезентантов общественного дискурса данного периода, так или иначе связанного с освоением и развитием Сибири, являясь одной из его наиболее семантически напряженных зон. В процессе анализа материалов исследования нами были выделены уровни реализации данного концепта в изданиях научно-публицистического характера, а также в художественной литературе. Интерпретация концептосферы «сибирской ярмарки» безусловно связана со спецификой названных дискурсов, из которых и складывается один большой контекст понятия «сибирская ярмарка».

Так, в достаточно большом массиве научно-публицистических публикаций с жанровыми заголовками «Сведения», «Исследование», «Проект», «Историко-статистическое обозрение», «Обзор», «Историко-статистическое описание» и т. п. актуализируется свой ряд смыслов этого концепта, для чего используется специфическая парадигма средств. Например, в «Исследовании Ирбитской ярмарки на основа-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ и Администрации Томской области (проект №17-14-70006).

нии переписи в феврале 1880 года», принадлежащем члену Статистического комитета А.А. Лобову (1882), наряду с сообщением важнейших результатов переписи, имеется глава «Общий обзор ярмарочной торговли», в которой сибирская ярмарка квалифицируется как осуществляющая важнейшую для развития торговых отношений функцию посредничества в товарообмене, и через этот контекст ярмарка выступает условием и двигателем развития Сибири. Следующий уровень лобовской интерпретации концепта также обусловлен спецификой сибирской ярмарки. Автор рассуждает о «небогатых населением» сибирских просторах, о слабых хозяйственных взаимоотношениях между отдельными сибирскими регионами и Сибирью и центральной Россией, в связи с чем «повсеместное устройство постоянных торговых помещений немыслимо»¹, чем и вызвана, с его точки зрения, целесообразность и закономерность организации в Сибири разнообразных временных торговых центров. Кроме крупных ярмарок, это торжки и мелкие ярмарки, проводимые в небольших городах и селах, постепенно затухающие в связи с развитием в Сибири железнодорожных путей сообщения, о чем пишут в своих работах член-секретарь Тобольского губернского статистического комитета К.Г. Голодников (исторический очерк «Город Тобольск и его окрестности», 1887 г.), Н.А. Костров (очерк «Нарымский край», 1872 г.) и др. Так, в очерке Голодникова читаем: «Хотя в Тобольске и значится существующею ярмарка с 20 мая по 20 июня, но привоза на нее иногородных товаров давно уже не бывает и сезон этот заявляет о своем существовании лишь приездом какого-либо торговца полотнами низшего сорта, часового мастера, зубного врача или панорамы»².

Возвращаясь к «Исследованию...» Лобова, укажем, что в нем, кроме названных, актуализируются смыслы концепта, связанные с понятием «покупатель», констатируется, что на крупных сибирских ярмарках главную роль играют перекупщики, реальные потребители, отличающиеся в Сибири ограниченной платежеспособностью, чаще всего посещают мелкие ярмарки. Наконец, сибирская ярмарка рассматривается Лобовым как «рынок для личного труда: на ярмарку стекается масса

¹ Лобов А.А. Исследование Ирбитской ярмарки на основании переписи в феврале 1880 года. Пермь, 1882. С. 4. Далее при цитировании этого издания указываю в тексте страницу.

² Голодников К.Г. Город Тобольск и его окрестности. Тобольск, 1887. С. 89.

Но центральное место в публицистическом по своей природе тексте занимает описание ярмарочных дней, причем писателя интересует не торговля, а «перерождение» «спящего захолустья» Ирбита в «цивилизованный мир», в котором население возрастает в 10 раз, частные дома превращаются в магазины и гостиницы. «Во время ярмарки оживляется все: открываются трактиры – с арфистками и без арфисток, с музыкой и без <...>. Для более взыскательной публики существует ярмарочный театр, где чередуются самые раздирательные драмы с самыми отчаянными оперетками, ... здесь действует цирк, устраиваются концерты, бывают даже гадальщицы на картах» (с. 70). Но самое главное – в ярмарочные дни в Ирбите обновляются отношения между людьми и их взгляды на жизни. Автор пытается описать всё это в духе карнавальской культуры, в рамках которой традиционно изображаются ярмарки в художественной литературе: «...бывает так, что иной домохозяин чистит вам сапоги и одежду, ставит самовар и вообще исполняет должность лакея, не считая никакую работу унижительною»; или описание «местного карнавала», проводившегося в Ирбите в дни ярмарки: «нанимались розвальни, в них ставилась лодка, а в лодку стол с всевозможными винами и закусками, в лодке же помещались музыканты. ... борта ее обставлялись шестами, на которых вешались собольи хвосты, лошади убирались лентами, – и в таком виде, с песнями, шумом и гиканьем, проносились по городу тройка за тройкой» (с. 71). Описывая ярмарочный бал со слов очевидцев, автор выходит еще на одно ключевое значение рассматриваемого концепта, напрямую связанное с темой освоения и развития Сибири, – он подчеркивает смывание в атмосфере ярмарки национальных границ: «В одной кадрили я видел танцевавших визави – молодого единоверца с казанским татаринном, в национальном костюме, в другой кадрили – элегантного английского «комми» по меховой торговле визави с полновесным городничим. Польку-мазурку и польку *tremblant* прекрасно танцуют юные здешние кержачки. И где кроме необъятной Руси встречается что-нибудь подобное!» (с. 71). Этими же мотивами пронизано описание народных уличных гуляний на Ирбитской ярмарочной маслянице: «... в толпе встретите вы лисью шубу купеческого приказчика и штофный шугай заводской бабы, и остроконечную вислоухую шапку башкирца, и тюбетейку татарина, и *gibus* петербургского негоцианта, и бобров и собелей иркутских купеческих сынков» (с. 72).

Однако одновременно автор подчеркивает преобладание в Ирбитской ярмарочной атмосфере отнюдь не карнавалных ценностей, о которых писал М.М. Бахтин в своей книге «Рабле и народная смеховая культура». Так, эпизод с услужливым домохозяином заканчивается фразой, из которой следует, что он готов на любую работу только ради дохода; а картина местного карнавала завершается общим резюме: «Жизнь, веселье, вино и золото – кипят и льются через край» (с. 71), во всех этих и других описаниях основными мотивами представлены деньги, золото, доход.

Очерк заканчивается многогранным образом Ирбитской ярмарки, в общем лишенным сути карнавалной картины мира, ее идеи амбивалентности бытия, находящегося в состоянии легкого, веселого, праздничного расставания с прошлым во имя будущего. Этот образ символизирует у Телешова трудную и проблемную историю освоения и развития сибирского региона, и главными мотивами его описания становятся дальняя тяжелая дорога на ярмарку и обратно, суета, деньги, разгул, очень далекие от карнавалной идеи движения вперед. На Ирбитскую ярмарку «стремятся за барышами», получаемыми в «чаду и вихре»: «Ирбитская ярмарка – это место, куда всем и отовсюду ехать далеко и одинаково неудобно, но куда все-таки едут..., привозят товаров на десятки миллионов рублей, где ютятся по каморкам, живут в магазинах,... где все кипит деятельностью, торопливостью и разгулом, <... > где татары, евреи, православные русаки и столичные коммерсанты пропивают магарычи, хлопочут, суетятся, работают, где до пены у рта спорят из-за гривенника в товаре и где ночи напролет просиживают за картами, спуская тысячи и пропивая сотни рублей. Ирбитская ярмарка – это съезд крупнейших коммерсантов, арфисток и фокусников, мелких торгашей и помещиков, фотографов и заводчиков, докторов и актеров, столичных шулеров и губернских карманников, <... > Ирбитская ярмарка – это истинная «смесь одежд и лиц, племен, наречий, состояний», это то самое место, куда стремятся за барышами из-за тридевяти земель, куда везут все, чем богаты. – товар ли это, или талант, или досужее время, или шальные деньги; все здесь крутится и мешается в каком-то чаду и вихре» (с. 73–74).

В повести Телешова «Сухая беда» из цикла «По Сибири» будет почти дословно повторена созданная в очерке атмосфера Ирбитской ярмарки – ср.: «ежегодно зимою здесь открывалась ярмарка на целый

месяц, на которую съезжалось так много всяких людей из столиц, с Волги и Сибири, что становилось тесно, съезжались купцы, доктора, фотографы и артисты, съезжались губернские жулики и столичные шулера... Каких только имен и профессий не красовалось тогда на вывесках, каких не привозилось товаров! Но, помимо товаров и денег, приезжие завозили с собою необыкновенный шум и веселье: открывались трактиры на всевозможные вкусы, с арфистками и без арфисток, с музыкой и без музыки, до кабака включительно; открывался театр для более взыскательной публики, где исполняли «Гамлета» и «Дон-Карлоса» попеременно с такими комедиями, о каких в столице не всякий имеет понятие, открывался цирк с забавными пантомимами и свыше десятка бань, которые считались здесь почему-то тоже за места увеселительные... Для города ярмарка была – все: она прославила его имя на тысячи верст, кормила и поила всех жителей, поэтому и готовились к ней, как к великому празднику, и все горожане менялись перед нею, точно по мановению волшебства; они бросали обычные дела, отколачивали забитые квартиры, готовили лучшие платья, и многие уже заблаговременно ходили с красными носами и опухшими глазами, уверяя, что это будто от хлопот и бессонных ночей. <... > заниматься в лакеи к ярмарочным гостям имели большую склонность местные мещане, не считавшие никакую работу унижительной, была бы лишь доходна⁶. Именно эта атмосфера, наращивая новые смыслы концепта «сибирская ярмарка», толкает героев повести к пороку, преступлению, безумию.

В художественном дискурсе, к рассмотрению которого мы перешли, интересующий нас концепт, хотя и пересекаясь с научно-публицистической его интерпретацией, сложился по-своему, со своими ядерными и периферийными смыслами и взаимосвязями, что обусловлено спецификой данного дискурса, в большей степени отличающегося авторской субъективностью и ценностным подходом к изображаемой реальности. Рассмотрим уровни реализации концепта на материале произведений, написанных сибирским беллетристом-народником Н.И. Наумовым и упоминавшимся выше московским писателем Н.Д. Телешовым.

Творчество томского прозаика Н.И. Наумова сосредоточено на психологии и быте сибиряков различных сословий и социальных

⁶ Телешов Н.Д. Сухая беда. URL: http://modernlib.ru/books/teleshov_nikolay/suhaya_beda/read/ (дата обращения: 21.03.2016).

групп как сфере, преломляющей социально значимые, с его точки зрения, противоречия. Наибольший интерес в плане названной проблематики и рассматриваемого концепта представляет рассказ «Юрочная. Ярмарочные сцены» 1872 г. Основную его семантику здесь определяет мотив цены. В отличие от нехудожественного дискурса, где стоимость товаров, продаваемых на ярмарках, приводится в обязательном порядке в виде статистических данных, в рассказе Наумова этот мотив выливается в завязку действия, в формулировку конфликта, в характеристики главных героев. «Юрочная», в соответствии с жанровым подзаголовком, состоит из нескольких сцен-диалогов. Открывается она разговором приехавших на Юрочную ярмарку в село Юрочное по Березовскому тракту перекупщиков рыбы у крестьян – Петра Матвеевича, его шурина и племянника, своего рода семейного товарищества с участниками разных возрастов и главой в лице «довольно пожилого, степенного, солидного» Петра Матвееча. Они, очевидно, – представители местного купечества, судя по стилю их речи, крестьянского происхождения, занимаются торговлей и «кредитами», выигрывая на разнице оптовых и розничных цен, а также цен на мелких сельских и крупных ярмарках Сибири. Ежегодно «на дешевенькие ситцы, платки, бродни и другой мелкий товар, необходимый в быту крестьян, они выменивали рыбу и «задавали» деньги вечно нуждающемуся люду под... «юрочной» улов ее (юрочная – это праздник охотников в некоторых районах Сибири и Севера, отмечался 30 октября – И.А.). Благодаря подобным задаткам вся лучшая, крупная рыба оставалась всегда за Петром Матвеечем, который, кроме продажи ее в собственной лавке, в г. Т... отправлял ее довольно значительными партиями ко времени ярмарки в Ирбит. По первому зимнему пути Петр Матвееч сам объезжал все села и деревни,... для сбора рыбы от крестьян, забравших под улов ее деньги.... Каждый из них знал, что какое бы горе и нужда ни застигли его, – он не мог рассчитывать на снисхождение к нему Петра Матвееча»⁷.

Разговор у перекупщиков идет о том, что крестьяне, занимающиеся одним из самых распространенных в Сибири – рыбным – промыслом, наученные односельчанином, бывшим каторжником

⁷ Наумов Н.И. Юрочная. Ярмарочные сцены. URL: http://az.lib.ru/n/naumow_n_i/text_0040.shtml (дата обращения: 21.03.2016).

(по-видимому, политссылным) Иваном Николаевичем Калининым, изображенным идеальным, в духе народнической идеологии, крестьянином, в котором, «как в фокусе, отражаются те могучие живые силы, какие таятся в народе»⁸, нынче не станут продавать им свою рыбу задешево, а будут продавать ее на ярмарке сами. В соответствии с используемыми Петром Матвеичем низшими, грубыми формами обогащения находится и тип и нормы его поведения. В этом отношении характерна сцена его переговоров с Калининым, в которой формулируется конфликт рассказа, не только социально-экономический, но и нравственно-психологический: пытаюсь договориться с Иваном Николаевичем, перекупщик предлагает лично ему более выгодную цену за выловленную им рыбу в обмен на прежние цены для остальных. Этот разговор тоже напоминает игру в карнавальном духе: тон разговора героев доверительный, шуточный, но оба непримиримы и видят истинную цель разговора, который заканчивается словами крестьянина, мгновенно прекращающими игрушечный разговор о неигрушечной теме: «и хороши, в уме-то думаю, посулы твои, да совесть дорога; хоша и говорят, что она у мужика-то через край лыком шита, а все не продам ее ни за какие дары»⁹.

В таком же духе представлен разговор Петра Матвеича с крестьянином Евсеичем, купившим у него на прошлой ярмарке гнилой ситец своей жене на платье. Перекупщик внешне добродушен, настроен на шуточный тон, сменяющийся, однако, откровенным цинизмом: «А-а... Евсеич!.. Ну-ну, здравствуй, здравствуй. Не плакал ли по мне, а? – Слез-то нету..., плакать-то... баба-то выла, – ответил тот, кланяясь ему. – Обо мне-то? –... понадул ты ее крепко: понява-то, что из твоего ситцу сшита, вся то ись... во-о-о! – Расползлась? – По ниточке... мало ль слез-то было, да я уговорил: погоди, мол, приедет ужо, может, на бедность и прикинет тебе чего ни на есть за ушшерб-то. – За деньги сичас же, крепчай того!...»¹⁰.

Как видим, мотив цены («арихметики», которую крестьяне, по словам Ивана Николаевича, «по суставам доходят») наращивается в рассказе нравственно-психологическими темами обмана, хитрости,

⁸ Наумов Н.И. Юровая. Ярмарочные сцены. URL: http://az.lib.ru/n/naumow_n_i/text_0040.shtml (дата обращения: 21.03.2016).

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

ума и глупости, совести, обнаруживая их сложные семантические связи в реализации концепта ярмарки. Отношение крестьян-продавцов к ярмарке связано и с архаическим восприятием времени (природным, циклическим – рыбу ловят только на Юровую), с областью сакрального (для них качество и количество выловленной рыбы – дар свыше); с этическими оценками качества честно выполненной ими работы. Ярмарка встает здесь в систему таких вечных общечеловеческих ценностей, как жизнь и смерть, семья, дети, ведь то, что будет продано на ярмарке, станет основой жизни крестьянских семей до следующего сезона рыбной ловли.

Сама ярмарка описана только на стадии ее подготовки. Картина отличается документальной точностью и строится практически на характеристиках, совпадающих с презентацией концепта в научно-публицистическом дискурсе: представляются участники – продавцы, покупатели, откуда и за каким товаром приехали, что привезли на продажу, как обустроили места торговли: «Вереницами тянутся в эти дни фургоны (тобольских купцов и мещан. – *И.А.*)..., нагруженные теми незатейливыми товарами, какими довольствуется... сельское население. <...> съезжаются и крестьяне..., с своими произведениями и продуктами окружающей их природы. Мешки сушеной морошки, малины, черемухи, кедровый орех, мелкие засоленные в кадках грузди, березовики, связки сушеных белых грибов, бочки с брусникой и клюквой виднеются на каждом возу. Иной мужичок привезет на нее штук сорок беличьих и заячьих шкур... Трудолюбивое женское население привозит на эту ярмарку тонкие льняные холсты..., полотенца..., настольные скатерти, пологи, половики и особенно рыболовные сети <...>. Из деревень, расположенных в более лесистой местности, тянутся воза с дугами... и с различной деревянной посудой. <...> Но главный продукт Юровской ярмарки, привлекающий к себе городских торговцев, – рыба, богатое даяние пустынной Оби и Иртыша, щедро вознаграждающее местное население за недостаток других промыслов <...> Первое место на узеньких полках всегда занимают ситцы, гарусные шали, ленты... Все то, что идет в брак в городских магазинах и лавках, скупается торговцами, разъезжающими по деревенским ярмаркам, за половинные цены и сбывается простодушным деревенским покупателям... Мужские опояски, шапки <...>, сыромятные сбруи, чересседельники..., плотничьи и кузнечные инстру-

менты... Парфюмерные изделия гг. Мусатова и Альфонса Ралле... заставляют сильно биться сердца деревенских красавиц»¹¹.

За этим описанием следует новая сцена, опять связанная с ценой на рыбу, ее участники: Петр Матвеевич и волостной голова: «А нешто начальство не спросит с тебя, что ты смотрел на порядки-то на энти, на бунт-то? а-а? – Бунт? – с удивлением спросил Роман Васильевич. – А это, по-твоему, не бунт <... > Ты голова, а волостью-то Иван Николаев заправляет, таксии выдумывает, подговаривает мужиков на дело, от которого казне ушшерб»¹². Так в рассматриваемом концепте появляются темы государственной власти, слияния власти и капитала, общественного настроения и народного бунта, абсолютно не свойственные народной смеховой культуре и карнавалному, ярмарочному мировидению, известному нам, например, по «Сорочинской ярмарке» Н.В. Гоголя, но весьма характерные для народнической беллетристики Наумова.

День открытия ярмарки, начавшийся после «молебствия и водосвятия», описан как великий праздник, он передан визуальными и звуковыми образами нарядных посетителей, говора и хохота, музыки, звона колокольчиков на лихих тройках, песен катавших на них девушек и парней. Но в отличие от карнавального нарратива, этот праздник не повсеместный. Параллельно народному гулянию на улицах описывается закрытый двор, где упаковывают всё-таки скупленную у крестьян за бесценок рыбу, а Петр Матвеевич собирается уезжать с едва открывшейся ярмарки, которая его уже не интересует. Да и сама ярмарка к полудню шумит пьяными разговорами: «Кое-кто прилаживался и на покой у бревен, накатанных у заборов. С выставок, открытых на время ярмарки, давно слетели холщовые пологи»¹³.

Если центральным событием «ярмарочных сцен» Наумова оказывается предьямарочный торг между продавцами и перекупщиком, то в повести Н.Д. Телешова «На тройках», вошедшей в цикл «По Сибири», действие и вовсе завершается перед самым открытием Ирбитской ярмарки. Основное событие, описанное в произведении, – дорога на ярмарку, которая традиционно характеризуется в общественном дискурсе об освоении Сибири как неустроенная, «неудобная». Но

¹¹ Наумов Н.И. Юровая. Ярмарочные сцены. URL: http://az.lib.ru/n/naumow_n_i/text_0040.shtml (дата обращения: 21.03.2016).

¹² Там же.

¹³ Там же.

в данной повести она изображена другими красками и наполнена другой семантикой. Действующими лицами повести являются московские купцы, отправившиеся в суровые январские морозы 188* года в Ирбит. Все свои ожидания сущностных (в бахтинском понимании) ценностей ярмарочной жизни эти герои вложили в дорожные приключения, ради которых отказались от поездки по железной дороге, предпочтя ей передвижение на тройках. «Из поездки в Ирбит купцы сделали нечто вроде спорта: есть такие, что ухитряются доехать от Москвы в пять суток, есть такие, что едут шесть дней, а некоторые едут полторы недели и больше; <... > первые мчатся на тройках, не щадя ни здоровья, ни денег и с похвальбой приезжают в Ирбит»¹⁴. Догоняя и перегоняя друг друга, в равной азартной борьбе эти люди испытывают счастье победы, счастье от окружающей их сибирской природы, езды на тройках, от обеда в трактире, посещения провинциального театра, от преодоления опасностей, всё это представляется им ценным и важным. Приезд в Ирбит означал для героев окончание праздника и забвение всех истинных ценностей: на них «вдруг нахлынули деловые заботы о срочных векселях, товаре и покупателях, а дорожные интересы со всеми приключениями, видами и природой отодвинулись на задний план»¹⁵. Здесь точка пересечения общих для купечества всей России (московских и сибирских, в данном случае) характеристик, здесь же и точка их расхождения: более грубые методы накопления капитала сибирскими купцами, более низкий уровень их образования и воспитания, культуры поведения.

Таким образом, анализ научно-публицистического и художественного дискурсов об освоении и развитии Сибири второй половины XIX в., не претендующий, конечно, на полноту, позволяет всё же говорить о том, что один из важнейших его концептов – «сибирская ярмарка» – в сознании сибирских авторов и авторов центральной России связывался, с одной стороны, со специальной историко-экономической семантикой. С другой стороны, ярмарка, которая традиционно толковалась в изящной словесности как наступивший на земле (временно, но реально) рай, в сибирской ее специфике представляла, скорее, злую па-

¹⁴ Телешов Н.Д. На тройках. URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/56152/Teleshov_-_Na_troiikah.html (дата обращения: 21.03.2016).

¹⁵ Там же.

родию на «карнавал». При этом характерно, что контексты в художественных произведениях, репрезентирующие образ сибирской ярмарки, источником своим имеют в основном документальный научно-публицистический дискурс, наряду с идеологией и философией автора. Примечательно и то, что указанная многоплановая семантика концепта формируется практически одновременно в научно-публицистическом и художественном дискурсах. Противопоставления здесь быть не может, т. к. эти дискурсивные потоки тесно взаимодействовали, достраивая концепт до целого, в то время как их сопоставление возникает закономерно в связи с самой сущностью концепта «сибирская ярмарка» и его уникальной способностью к порождению множественных взаимосвязанных семантических уровней.